

ВАРИАТИВНОСТЬ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

Variability of the Kalmyk Folk Riddles

Ц. Б. Селеева (Ts. Seleeva)¹

¹научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Literature, Folklore and Dzhanggar Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: tsagana007@mail.ru

В статье рассматриваются особенности сравнительно-типологической вариативности структурно-семантических компонентов калмыцких народных загадок. Автор приходит к выводу о том, что варианты калмыцких загадок на содержательном и семантическом уровне сохраняют устойчивую форму и характеризуются стабильностью текста, подверженной смысловой корреляции на разных уровнях абстракции. Вариативные различия обусловлены смысловыми ассоциациями по основным и второстепенным признакам загадываемого предмета или явления.

Ключевые слова: загадка, вариант, инвариант, смысловая ассоциация, логико-семантическая структура загадки, вариативность.

The article is devoted to researching the peculiarities of comparative and typological variability of the structural and semantic components of the Kalmyk folk riddles, i.e. to study of their flexibility and transformation directly connected with reduction and expansion of their components. The primary importance for the theory of variability has the dichotomy 'invariant – variant'. The up-to-date research proves the thesis that all possible types of variable transformations of riddles can be divided into two parts: with distraction of the invariable structure and with its preservation. At the same time both the "answer" which is mostly an object and the "question" which has a predicative character are investigated.

The author comes to the conclusion that the variants of the Kalmyk riddles preserve their stable form on their logical-semantic level and are characterized by the text stability subjected to meaningful correlation at the various levels of abstraction. The variable differences are determined by the logical associations in the main and secondary criteria of objects and notions asked about. Therefore, it is obvious that the riddles in the Kalmyk tradition undergoing changes on the lexical, morphological and syntactic levels preserve associational and meaningful relations with their initial usual form. They also preserve relatively sustained form on their logical-semantic levels and are characterized by meaningful stability of texts. Modified riddles with transformed invariable structure are not numerous. Thus, transformations maintaining the invariable structure of a riddle and its parts are implemented according to the following algorithms: reduction – that is when the beginning or the end of a riddle are reproduced in speech; actualization – when certain words are substituted, added or omitted; addition – when some parallel elements of judgment are added to the most sustained variant and the secondary cliché is created on the basis of a traditional riddle.

Keywords: riddle, variant, invariant, semantic association, logical-semantic structure of the riddle, variability.

Происхождение загадок имеет древние истоки, в них обнаруживается связь с архаическим ритуалом инициации (испытания героя), магией слова, с языковым табу и тайными языками, отображающими сакральные для человека предметы и явления в форме иносказательной речи.

По мнению Дж. Фрэзера, загадки изначально являлись иносказаниями и относились к тайной условной речи в риту-

ально-магическом и обрядовом комплексе, связанном с «институтом царей», смертью, обрядами плодородия и др. [Фрэзер 2006: 324–347]. В ведической традиции (XV–XI вв. до н. э.), ритуал, включавший диалог в виде обмена загадками, совершали жрецы в предновогоднюю ночь [Елизаренкова, Топоров 1984: 30]. Со временем сакральный характер иносказательной речи, так необходимый человеку в древности и предназна-

ченный для обеспечения сохранности и благополучия его семьи, племени, рода, утрачивается. Загадки трансформируются из обмена сакральными знаниями в особый вид ритуально-игрового поведения, вербальный акт, нацеленный на испытание умов и проверку сообразительности.

Американский исследователь А. Дандес рассматривает загадку как вводящее в заблуждение представление неизвестного объекта с целью проверки находчивости слушающего [Дандес 2003: 37–38]. У современных этнологов бытует мнение, что в аутентичных условиях бытования загадка не предназначена для разгадывания посредством индивидуальной остроты ума. Участники процесса загадывания и разгадывания либо владеют вопросом и ответом, т. е. являются носителями и знатоками традиции, либо находятся в процессе передачи сакрального знания [Мечковская 1998: 11–34].

По мнению Т. В. Цивьян, словарь корпуса загадок соответствует алфавиту модели мира, в свою очередь Е. М. Мелетинский отмечает, что, подобно мифу, загадка — это средство концептуализации мира, который находится вокруг человека и в нем самом [Цивьян 1994: 178; Мелетинский 1995: 325]. Тезаурус загадок как мир сакрально-значимых предметов отражает мифологемы неба, земли, солнца, луны, мирового древа, мировой оси, мировой горы, мирового океана, рождения и смерти и т. д. Так, калмыцкие загадки сохранили реликты скотоводческого и охотничьего быта, рудименты древних обрядов и ритуалов, архаический язык, тонкие и ценные наблюдения над явлениями природы, то есть отобразили своеобразный и неповторимый кочевой мир. Таким образом, загадки являются инструментом концептуализации мира, а также имеют познавательную, магическую, аксиологическую, дидактическую, игровую функции [Пермяков 1975: 254–262].

Семантическую и логическую структуру, а также стратегию отгадывания загадки рассматривали ведущие отечественные ученые: Е. М. Мелетинский [1995], Ю. М. Лотман [1992], В. Н. Топоров [1994], Т. В. Цивьян [2008], Г. Л. Пермяков [1988], Ю. И. Левин [1978], Э. Кенгэс-Маранда [1978], А. Н. Журинский [2007] и др.

Загадка включает в себя собственно загадку («означающее» — «ядро») и отгадку («ознаемое» — «ответ») [Кенгэс-Маранда

1978: 256]. Функция загадок, заключающаяся в иносказательном описании предмета или явления окружающего мира, определяет особенности их структуры. Семантическую структуру народной загадки можно рассмотреть с позиции взаимосвязи трех её компонентов: загадываемого объекта, или денотата — замещающего, или кодирующего, объекта — и так называемого «образа», описания, применительного к обоим объектам. Логические модели ассоциативных связей, по которым строится описание объекта, основаны на употреблении отдельных видов тропов (метафора, метонимия). Культурные коды загадок (антропоморфический, зооморфный, предметный, анатомический, числовой и цветовой) основаны на ключевых образах и признаках денотата, где ключевой образ является означающим, то есть метафорой денотата, а ключевые признаки наводят на отгадку посредством явной подсказки, описывая внешний вид, манеру поведения, цветочные и количественные характеристики денотата. Своеобразие объективации образа заключается в том, что загадка вычленяет лишь наиболее характерные наблюдаемые черты загадываемого денотата (набор признаков бывает неполным), но не дает его дефиниции. Следовательно, в развертывании образной номинации загадки главным приемом является метафора. Позицию о метафоричности народной загадки разделяли отечественные исследователи В. П. Аникин [Аникин 1981: 53–66], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1990: 5–32], С. Г. Лазутин [Лазутин 1977: 34–49]. А. П. Квятковский рассматривает внутреннюю форму загадки, построенную на принципе замедленной метафоры (симфоры), и выделяет такие виды семантических изменений, как каламбурный алогизм и параллелизм [Квятковский 1966: 264].

В настоящее время внимание паремистов привлекают такие свойства паремий, как пластичность и трансформация, непосредственно связанные со спецификой бытования фольклорной традиции и проблемами вариативности [Береговская 2001; Говоркова 2002; Жигарина 2006; Сендерович 2002 и др.]. Исследователи описывают такие формы преобразования паремий, как сокращение и расширение компонентного состава, актуализацию и контаминацию содержательной части.

Данная работа посвящена рассмотрению вариативности калмыцких народных загадок. Предварительно отметим, что ва-

риативность является объективным и неизбежным следствием развития языка, поскольку она разнообразит, оживляет новую форму. Первостепенное значение для теории вариативности имеет дихотомия «инвариант—вариант», являющаяся взаимосвязанной и взаимообусловленной, т. к. инвариант существует постольку, поскольку существуют его манифестации — варианты [Макаев 1962: 47]. Для выявления основных черт вариативности в качестве материала исследования привлекаются загадки астраханских калмыков из собрания В. Л. Котвича [Котвич 1972: 15–60], загадки из сборника Б. Д. Букшаева и И. М. Мацакова [Хальмг үлгүрмүд... 1982: 167–251], загадки из сборника Б. Б. Басангова [Пословицы и загадки... 1961: 97–133], довольно обширный материал калмыцких паремий взят из сборника Б. Х. Тодаевой [Пословицы... 2007: 629–827], в который вошли тексты из ранее опубликованных источников, а также полевые материалы из научного архива КИГИ РАН.

Рассматривая проблемы сравнительно-типологической вариативности структурно-семантических компонентов паремий, следует учесть такой важный их признак, как замкнутая форма клише [Пермяков 1975: 361]. Сформулировавший данное положение, Г. Л. Пермяков позднее отмечал, что наличие искажений традиционных вариантов лишний раз подчеркивает устойчивость паремий, так как видоизменение возможно лишь тогда, когда есть понимание текстовой нормы [Пермяков 1988: 135–143]. Современные исследования различных модификаций и трансформаций паремий позволяют нам сформулировать корректирующий тезис об относительной замкнутости форм паремиологических клише. Виды вариативного преобразования загадок делятся на два класса: с ломкой инвариантной структуры и с ее сохранением. При этом рассмотрению подлежит как «ответная» часть загадки (отгадка), которая носит по преимуществу предметный характер, так и часть «вопросная», имеющая предикативный характер.

Рассмотрим основные особенности вариативности, свойственные калмыцким загадкам. В калмыцкой фольклорной традиции имеются примеры устойчивого бытования загадок без явных признаков вариативности с сохранением инвариантной текстуальной, содержательной и смысловой формы, как в примере:

Ээдрхнэ цаад бийд

Эрэ холта жаһамл.

(Хоолын кууһн)

На той стороне Астрахани

зеленый чеснок с чуть заметным стеблем.

(Язычок мягкого нёба)

[Котвич 1972: 19; Басангов 1960: 100;

Пословицы... 2007: 637; НА КИГИ РАН.

Ф. 5. Оп. 2. № 65; Мукабенова Н. А.], —

а также с незначительной лексической вариативностью в вопросительной части загадки

Ааһд алг махн.

(Нүдн)

В чаше пестрое мясо.

(Глаз)

[Басангов 1960: 97; Хальмг үлгүрмүд...

1982: 168; Котвич 1972: 18;

Пословицы... 2007: 639; НА КИГИ РАН.

Ф. 5, Оп. 2, № 65; — Мукабенова Н. А;

Ф. 5, Оп. 2, № 65; — Лиджиева А. Б.].

Ааһд алг булг.

(Нүдн)

В чаше пестрый родник.

(Глаз)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 168;

Пословицы... 2007: 639].

Встречаются загадки с двумя и более вариантами отгадок, где собственно загадочная часть дана с небольшим лексическим и синтаксическим варьированием:

Алтинь аваад авдринь хайчкж.

(Читлг)

Золото взяв, сундук бросил.

(Орех фундук)

[Пословицы... 2007: 755].

Алтинь аваад авдринь хайчкж.

(Чимгн)

Золото взяв, сундук бросил.

(Костный мозг)

[НА КИГИ РАН Ф. 3, Оп. 2, № 156; —

Докрунов Б. Б.].

Алтинь аваад авдринь хайж.

(Чимгнэ ясинь сорх,

чимгинь идэд, ясинь хайжс)

Золото взяв, сундук бросил.

(Костный жир высмекать,

*костный мозг съев, кость
бросил)*

[Котвич 1972: 33; Пословицы... 1960: 97;
Хальмг үлгүрмүд... 1982: 168].

Довольно часто встречаются загадки с особым типом вариативности, представленные полной и редуцированной формами в обеих частях — собственно вопросительной и отгадке, что естественно для живой фольклорной традиции:

Полный вариант загадки:

Теңгр деер Теля Веля хойр ноолдж,
Тедниг хаңцулхар одсн мана баажа
Толһадан цуста ирж.

(Ohmphy ду һарх, һал цәклх)

*На небесах Теля и Веля боролись,
Наш отец, ходивший их разнимать,
Пришел с окровавленной головой.
(Грохот грома, сверканье молнии)*

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 230;
Пословицы... 2007: 711].

Редуцированный вариант загадки и отгадки:

Теңгр деер Теля Веля хойр ноолдж.
(Һал цәклһн)

*На небесах Теля и Веля боролись.
(Сверканье молнии)*

[НА КИГИ РАН Ф. 3, Оп. 2, № 156 –
Докрунов Б. Б.].

Редуцированный вариант отгадки и загадки:

Герин ард гендн худг.
(Гијггин цоңкаг)

*Позади дома неглубокий колодец.
(Ямка на затылке)*
[Пословицы... 2007: 636].

Полный вариант загадки и отгадки:

Герин ард гендн худг,
Гесн дотр яндн худг.
(Гијггин цоңкаг; киисн)

*Позади дома неглубокий колодец,
В животе глубокий колодец трубой.
(Ямка на затылке; ямка пупка)*
[Пословицы... 2007: 636].

Иногда, как в нижеследующих примерах, вариативность прослеживается в полнотекстовом и усеченном вариантах на

уровне загадки и отгадки: с очевидной ассоциативной связью «ядра загадки» — «тулуп батюшки и матушки» — с отгадкой: «земля-небо», построенной на смысловом параллелизме. Третий пример больше всего отходит от инвариантного «ядра загадки», но семантическая модель построена по аналогии с предыдущими примерами:

Аавин девл алхж эс болж,
Ээжин девлиг эвкж эс болж.
(Һазр, теңгр)

*Тулуп батюшки нельзя переступить,
Тулуп матушки нельзя свернуть.
(Земля и небо)*

[Котвич 1972: 40].

Аавин кевс алхж эс болж.
(Һазр)

*Ковер батюшки нельзя ведь переступить.
(Земля).*
[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 170].

Аавин ханц эс уйж болж.
(Һазрин шуурха)

Батюшкиной [одежды] рукав нельзя зашить.

(Трещина в земле)
[НА КИГИ РАН Ф. 5, Оп. 2, № 65 –
Хулхачиев О. Д.].

Структура загадки определяется семантикой и логикой «вопросной» части и отношением отгадки к загадке; для нее характерна несимметричность загадки и отгадки (одна загадка может иметь несколько отгадок, и наоборот), наличие подтекста, двойной смысл и т. д. Как правило, загадываемый предмет подается в плане сравнения с другими предметами, явлениями, состояниями по основным и второстепенным признакам, что обуславливает вариативный разброс отгадок. В приведенных примерах типология основной содержательной части загадки и вариативность в отгадочной части построены на смысловой ассоциативности, идущей от содержательной части — гром и молния, огниво, змея.

Атн темән аңһс гихлә,
Амһалжин үзүр гилвс-далвс гиј.
(Лу ду һарх, һал цәклх)

*Холощенный верлюд зевнул,
Конец веревки мелькнул.
(Греметь [драконьему] грому,
сверкать молнии)*

[Котвич 1972: 55;
Хальмг үлгүрмүд... 1982: 168].

Атн темэн аңһс гихлә,
Арһмжин үзүр гилс гиж.

(Кет)

Верблюд [холощенный] пасть разинул,
Веревки конец блеснул.

(Огниво).

[Пословицы... 2007: 692].

Атн темэн аңһс гиж,
Арһмжин үзүр гилс гиж.

(Моһа, һал җәклх)

Холощенный верблюд зевнул,
Конеч веревки блеснул.

(Змея, сверкать молнии)

[Котвич 1972: 46].

Простейшие отгадки состоят в подыскании слова с начальной рифмой, в сложных же, помимо рифмы, обязательно присутствует глубокое и разнообразное содержание, зависящее от степени одаренности и находчивости отгадчика. Из следующего примера очевидно, что ответами одной загадки могут служить различные денотаты. Загадочная часть основывается на вопросе «барана ард» и «барана өмн» (баран — скерб, пожитки, аккуратно уложенные на деревянном сундуке в пространстве кибитки, — находился на левой стороне юрты), а в отгадочной части дается вариативный набор, представленный денотатами с прямым значением (веревка, замок, коса девичья, головка домбры) и переносным — душа и мысль человека. Один из примеров отражает древний ритуал, связанный с волосами, которые, по поверью, являлись источником жизненных сил человека, в связи с этим имелись предписания и табу на отрезание волос, ведущее к утрате жизненной силы и энергии.

Барана ард баг яшл.

(Арһмж; күүкн күүнә тевг)

Позади сундука с пожитками густой тёрн.

(Веревка; коса у девушки)

[Котвич 1972: 27; Пословицы... 1960: 100;

Пословицы... 2007: 634].

Барана ард баг яшл.

(Домбрин тевк)

Позади сундука с пожитками густой тёрн.

(Головка домбры)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 180].

Барана ард барш уга шикр.

(Күүнә седкл)

За сундуком столько сахара, что не съестъ его.

(Помыслы человека)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 174;

Пословицы... 2007: 656].

Барана өмн бавуха.

(Онъс)

Перед пожитками в юрте летучая мышь.

(Замок)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 178;

Пословицы... 2007: 738].

Перед сундуком (в юрте) — летучая мышь.

(Замок)

[Котвич 1972: 27].

Следует отметить, что двусмысленность в описании загадываемого объекта возникает в тех случаях, когда языковые выражения приобретают вторичные значения, то есть происходит вторичная семантизация знаков. В этой связи еще одной важной особенностью семантической вариативности являются корреляции смысловых единиц разных уровней абстракции. Как правило, в этих примерах вариативность отгадки также строится на прямом и переносном значении, идущих от смысловой ассоциации с загадочной частью.

Чальчаг-бальчаг усна көвәһәр цаһан кермд зогсж.

(Усна көөсн)

По краю мелководья стоят белые корабли.

(Водяная пена)

[Пословицы... 2007: 705].

Чальчг-бальчг уснд

Цаһан керм зогсж.

(Шүдн, келн)

В мелкой грязной воде

Остановился белый корабль.

(Зубы, язык)

[Котвич 1972: 44; Пословицы... 1960: 129;

Пословицы... 2007: 644].

Рассматриваемые нами варианты калмыцких загадок на содержательном и семантическом уровне сохраняют устойчивую форму и характеризуются стабильностью текста, подтвержденной смысловой корреляции на разных уровнях абстракции. Вариативные различия обусловлены смысловыми ассоциациями по основным и второстепенным признакам загадываемого предмета или явления. Очевидно, что варианты загадок

в калмыцкой традиции, претерпевая изменения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, сохраняют ассоциативно-смысловую связь с исходной узуальной формой. На содержательном и семантическом уровне они также сохраняют относительно устойчивую форму и характеризуются смысловой стабильностью текста.

Видоизмененные загадки с ломкой инвариантной структуры немногочисленны. Проведенный анализ позволяет сделать вы-

вод о том, что преобразования с сохранением инвариантной структуры загадки и ее частей осуществляются по следующим алгоритмам: усечение — воспроизведение в речевой ситуации начальной или концевочной части загадки; актуализация — замена, добавление или пропуск отдельных слов; надстройка — добавление параллельного элемента суждения к наиболее устоявшемуся варианту, когда происходит вторичное создание клише на базе традиционной загадки.

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН)

Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. С. 97–133. 136 с.

Пословицы и загадки / на калм. яз. Сост. Б.Б. Басангов. Калм. кн. изд-во. Элиста, 1961. 136 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс // Цуглулж диглснь Букшан Бадм, Мацга Иван. Элст, 1982. С. 167–251. 251 с.

Литература

Аникин В. П. Метафора в загадках // Художественные средства русского народного поэтического творчества: Символ. Метафора. Параллелизм. М.: 1981. С. 53–66.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: 1990. С. 5–32.

Береговская Э. М. «КВАЗИ» (Чужой текст как материал языковой игры) // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака. Дубна, 2001. С. 23–27.

Говоркова О. Н. Вариативность русских народных загадок // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М.: 2002. Т. 1. С. 32–38.

Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. М.: ОГИ, 2003. С. 30–42. 279 с.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа brahmodya // Паремнологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 14–46.

Жигарина Е. Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. Дис. ... канд. филол. наук. 10.01.09. М.: 2006. 251 с.

Журинский А. Н. Загадки народов Востока: Систематизированное собрание / А. Н. Журинский: сост. А. В. Козьмин. М.: ОГИ, 2007. 536 с.

Квятковский А. Поэтический словарь. М: Сов. энцикл., 1966. 376 с.

Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок // Паремнологический сборник: Пословица. Загадка. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. С. 249–282.

Sources

[Kalmyk Fairy Tales and Proverbs]. B. Bukshan, I. Matsga (ed.). Elista, 1982. Pp. 167–251. 251 p. (In Kalm.)

[Proverbs and Riddles]. B. B. Basangov (compl.). Elista: Kalm. Book Publ., 1961. 136 p. (In Kalm.)

[Proverbs, Sayings and Riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirates of China]. B. Kh. Todaeva (transl., compl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Russ.)

[The Scientific Archive of the Kalmykia Institute of Humanitarian Research of the RAS]. (In Russ.)

Kotvich V. L. [Kalmyk Riddles and Proverbs]. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ. 1972. Pp. 97–133. 136 p. (In Russ.)

References

Anikin V. P. [Metaphor in Riddles]. In: [Artistic Means of Russian National Poetic Work: Symbol. Metaphor. Parallelism]. Moscow, 1981. Pp. 53–66. (In Russ.)

Arutyunova N. D. [Metaphor and Discourse]. In: [Theory of Metaphor]. Moscow: 1990. Pp. 5–32. (In Russ.)

Beregovskaya E. M. “KVAZI”. (Alien Text as a Language Game Material). In: [Linguistic Research. To the 75th anniversary of Prof. V. G. Gak]. Dubna, 2001. Pp. 23–27. (In Russ.)

Dundes A. [Folklore: Semiotics and/or Psychoanalysis]. Collection of articles. Moscow: OGI, 2003. Pp. 30–42. 279 p. (In Russ.)

Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N. [On the Vedic Riddle of the Brahmodya Type]. In: [Paremiological Studies]. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 14–46. (In Russ.)

Fraser J. [Golden branch. Study of Magic and Religion]. M. K. Ryklin (transl.). Moscow: Exmo, 2006. 960 p. (Anthology of Thought). (In Russ.)

Golovkova O. N. [Variability of Russian Folk Riddles]. In: [Russian Literature in the New Millennium]. Vol. 1. Moscow, 2002. Pp. 32–38. (In Russ.)

Jigarina E. E. [Modern Life of Proverbs: Variability and Polyfunctionality of Texts]. Cand. Sc. thesis (Philology). Moscow, 2006. 251 p. (In Russ.)

Könges-Maranda E. [Logic of Riddles]. In: [Paremiological Collection: Proverb. Mystery]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1978. Pp. 249–282. (In Russ.)

Лазутин С. Г. Метафора в загадках // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1977. С. 34–49.

Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. С. 283–314.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Т. 1. Таллин: «Александра», 1992.

Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 47–53.

Мелетинский Е. М. Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1995. С. 325–337.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по философии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.

Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. С. 247–274. (Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока)

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремнологии. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1988. 236 с. Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока.

Сендерович С. Я. Морфология загадки. М.: Школа «Языки славян. культуры», 2008. 208 с.

Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: 1994. С. 40–44.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер; [пер. с англ. М. К. Рыклиной]. М.: Эксмо, 2006. 960 с. (Антология мысли).

Цивьян Т. В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: 1994. С. 178–214.

Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации // Цивьян Т. В. Избранное в 2-х кн. Книга 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука, 2008. 390 с.

Kviatkovskiy A. [Poetic Dictionary]. Moscow: Sov. encyclopedia, 1966. 376 p.

Lazutin S. G. [Metaphor in Riddles]. In: [Issues of Poetics of Literature and Folklore]. Voronezh, 1977. Pp. 34–49. (In Russ.)

Levin Y. I. [Semantic Structure of Riddles]. In: [Paremiological Collection]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1978. Pp. 283–314. (In Russ.)

Lotman Yu. M. [Articles on Semiotics and Typology of Culture]. Vol. 1. Tallinn: Alexandra, 1992. (In Russ.)

Makaev E. A. [The Concept of System Pressure and Hierarchy of Language Units]. *Issues of linguistics*. 1962. No. 6. Pp. 47–53. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. [Language and Religion. Lectures on Philosophy and History of Religions]. Handbook for students of humanitarian universities. Moscow: FAIR, 1998. 352 p. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. [Small Folklore Genres and Problems of Genre Evolution in Oral Tradition]. In: [Collection of Articles in Memory of G. L. Permyakov]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1995. Pp. 325–337. (In Russ.)

Permyakov G. L. [Basics of Structural Paremiology]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1988. 236 p. Series: Studies on Folklore and Mythology of the East.

Permyakov G. L. [Concerning Structure of the Paremiological Fund]. In: [Typological Studies on Folklore: Collection of Articles in Memory of V. Ya. Propp]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1975. Pp. 247–274. (Series: Studies on Folklore and Mythology of the East). (In Russ.)

Senderovich S.Ya. [Morphology of a Riddle]. Moscow: School of Slavic Languages of Culture, 2008. 208 p. (In Russ.)

Toporov V. N. [From Observations over a Riddle]. In: [Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. A Riddle as a Text]. Moscow, 1994. Pp. 40–44. (In Russ.)

Tsivjan T. V. [The Answer in a Riddle: the Solution of a Riddle?]. In: [Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture: a Riddle as a Text]. Moscow, 1994. Pp. 178–214. (In Russ.)

Tsivyanyan T. V. [Language: Theme and Variations]. In: Tsivyanyan T. V. [Selected Writings in 2 books. Book 2: Antiquity. Language. Sign. Myth and Folklore. Poetics]. Moscow: Nauka, 2008. 390 p. (In Russ.)

Zhurinskiy A. N. [Mysteries of the Oriental Peoples: Systemized Collection]. A. V. Kozmin (compl.). Moscow: OGI, 2007. 536 p. (In Russ.)